

Пьер Хасс
КГБ в ООН

«Центрполиграф»

Хасс П. Д.

КГБ в ООН / П. Д. Хасс — «Центрполиграф»,

Американские журналисты П.Дж. Хасс и Дж. Капоши рассказывают о деятельности советских разведслужб в Организации Объединенных Наций. Их представители пользуются дипломатической неприкосновенностью, и это способствует широкой шпионской деятельности. История советских агентов, служивших в ООН на протяжении нескольких десятилетий ее существования, политические акции советского правительства на международной арене, разоблачение шпионов, работающих в комиссиях под личиной представителей своей страны, военные и дипломатические секреты, ставшие предметом шпионажа, расследование шпионских акций и даже преступлений в самой ООН – вот круг проблем, которые затрагивает книга.

Содержание

Глава первая, вступительная	5
Глава вторая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пьер Дж. Хасс, Джордж Капоши, Илан Е. Полоцк КГБ в ООН

*Посвящаю эту книгу дочерям Марианне и Жаклин с наказом
мужественно охранять величие нашей страны и славное ее наследие.
Пьер Джей Хасс*

Глава первая, вступительная ЗМЕИ В ДОМЕ

В Манхэттене, на берегах Ист-Ривер, в городском районе, известном во времена Войны за независимость как Тертл-Бэй, где стояли лагерем силы Британской армии, столкнувшиеся с доблестным «взбунтовавшимся сбродом» под командованием Джорджа Вашингтона, высится комплекс зданий штаб-квартиры Организации Объединенных Наций.

В нескольких кварталах вверх по улице, в яблоневом саду, принадлежавшем какому-то немцу, в 1776 году был повешен за шпионаж Натан Хейл¹.

В наши дни, двести лет спустя, его дух оказался бы в неплохой компании. Речь идет о профессионалах, усердно занимающихся древним шпионским ремеслом в архитектурных громадах ООН под дипломатическим прикрытием.

Ситуация странная и парадоксальная и со стороны морали, и со стороны закона. Организация Объединенных Наций создана для сохранения мира во всем мире и функционирует благодаря равноправному участию в ней ста двадцати крупных и мелких стран, представляющих все расы, цвета кожи, религии и политические идеологии.

В Уставе, подписанном в 1945 году в Сан-Франциско пятьюдесятью объединившимися государствами, содержатся основополагающие правила и принципы деятельности механизма предотвращения возможной войны.

В многотомном, подписанном Соединенными Штатами и ООН, договоре перечисляются и гарантируются права и привилегии всемирной организации. После принятия этого договора, который в наши дни подвергается широкой критике в США, а время от времени и во всех других странах, образовался «международный анклав», очерченный по периметру 42-й и 48-й улицами, Первой авеню и берегами Ист-Ривер. На это самое крохотное в мире государство без согласия генерального секретаря ООН не распространяется юрисдикция Нью-Йорка. Мэр и городской совет не распоряжаются этим лакомым куском Манхэттена, равно как и губернатор, и законодательное собрание штата, и даже, если на то пошло, президент и конгресс США. Теоретически каждый вошедший в ворота ООН обретает неприкосновенность. Скрывающийся здесь от Федерального бюро расследований или от городской полиции может быть выдан представителям закона только с разрешения генерального секретаря ООН. И все-таки вряд ли, например, Вилли Саттону² удалось бы ускользнуть от закона, найдя убежище в ООН.

Тем не менее, как рассказывается в этой книге, шпион с дипломатическими полномочиями, посланный иностранной державой для добычи военных оборонных секретов, получает

---

¹ Хейл Натан (1755–1776) – герой Войны за независимость; школьный учитель, ставший добровольцем. Схваченный англичанами в разведке и казнен. (*Здесь и далее примеч. перев.*) мира во всем мире и функционирует благодаря равноправному участию в ней ста двадцати крупных и мелких стран, представляющих все расы, цвета кожи, религии и политические идеологии.

² Саттон Вилли (1901–1980) – знаменитый грабитель банков, много раз сбежавший из тюрьмы.

приют под сводами ООН и остается в полной безопасности, пока машина госдепартамента со скрипом приходит в движение, добиваясь даже не ареста агента, а его высылки «по соответствующим каналам».

Привилегия иммунитета, обусловленная традиционными межправительственными соглашениями и договоренностями, открывает дипломатам и работникам консульств карт-бланш; их не могут судить по законам той или иной страны во время пребывания на ее территории. Счастливые обладатели этого статуса не подлежат аресту и судебному преследованию, когда представляют свою страну за рубежом, независимо от совершенного преступления. Их можно лишь объявить персоной нон грата и выслать.

Распространение дипломатического иммунитета на членов аккредитованных в ООН миссий вызывает все большее недоумение в США, и в частности в Нью-Йорке.

Многие дипломаты десятилетиями злоупотребляли своими привилегиями. Их проступки были самыми разными – от пренебрежения законами парковки до сомнительного поведения в отелях и в общественных местах; от превышения скорости, езды по общественным магистралям в нетрезвом виде, наездов и исчезновения с места аварии до убийств.

Однако самым серьезным преступлением по своим последствиям остается шпионаж. Очень немногие страны используют предоставляемую ООН свободу для подрывной деятельности. Одна из них – Советский Союз. Ему удалось навести телескоп на все Западное полушарие, постоянно совершать на территории США подрывные акции.

Цель этой книги – привлечь внимание всего мира к шпионажу под крышей ООН; показать на основе документов, представленных ФБР, государственным департаментом, ООН и другими учреждениями, как советские шпионы осуществляли свои тайные операции. Материалы свидетельствуют о том, как они:

а) с помощью печально известной Джудит Коплон завладели сверхсекретным архивом докладов ФБР о «красном подполье» в США;

б) начали широкую шпионскую операцию по сбору секретных сведений о военных и портовых объектах на Атлантическом побережье;

в) проникли сквозь почти непреступные системы безопасности, добывая разведывательные учебные материалы в Школе Генштаба США в Левенуорте штата Канзас;

г) получили аэрофотоснимки и карты военных сооружений на Среднем Западе, где расположены некоторые основные американские базы защиты от советских ядерных ракет;

д) выкрали сверхсекретную информацию о расположении в США баз и пусковых площадок для ракет и реактивных снарядов;

е) разработали генеральный план подрывной деятельности на Восточном побережье с помощью устрашающей кампании саботажа, в ходе которой должна была быть уничтожена масса ресурсов и поставлена под угрозу жизнь миллионов людей.

Мы покажем, что эти и прочие акции исходили из так называемого «высшего командного поста», разместившегося в административном здании в нескольких кварталах от ООН – здании советского представительства в Организации Объединенных Наций. Многие советские граждане, работающие в ООН, и служащие из стран-сателлитов из-за «железного занавеса» связаны с этим «высшим командным постом», который находится в непрезентабельном доме номер 136 на Восточной 67-й улице рядом с фешенебельной Парк-авеню.

На побережье Атлантического океана оказался один из центров подрывной деятельности Кремля в Северной и Южной Америке. Нити раскинутой советской миссией в ООН шпионской сети тянутся в Вашингтон, к советскому посольству, к тамошним дипломатическим представительствам стран-сателлитов, и уходят дальше – в Мексику, в Панаму, на Кубу, в Бразилию и в Канаду.

Хотя используемые СССР методы в многолетней успешной деятельности по раскрытию национальных секретов Соединенных Штатов вызвали оправданное негодование, мы вынуж-

дены признать печальную истину: шпионаж – неизбежное зло международной политики. Было бы лицемерием объявлять его исключительно русским изобретением: речь идет о деятельности старой, как сама история.

Кажется, еще египтяне первыми осознали необходимость в шпионаже, создав секретную службу и открыв школы для разведчиков. Первое практическое применение их подготовки, вероятно, датируется правлением египетского фараона Тутмоса III, когда капитан Тут умудрился с помощью шпионов тайно доставить в Яффу двести вооруженных солдат, которых посадили в мешки и внесли в город под видом муки.

Пожалуй, величайшую из всех шпионских историй можно найти в «Илиаде»: вспомните Троянского коня.

Шли века, шпионаж обретал силу и влияние. Известно, что Жанну д'Арк предал шпион – епископ Пьер Кошон из Бове, состоявший на содержании английского короля. Перечисляя знаменитых шпионов, мы не забудем назвать Бенедикта Арнольда³, бельгийку Марту Кокерт и француженку Анн-Мари Вальтере, которые шпионили в германских оккупационных войсках во время Первой и Второй мировых войн.

По-видимому, Россия впервые попробовала серьезно заняться шпионажем в 1881 году, когда для борьбы с терроризмом была создана так называемая охранка – охранное отделение полиции. Тогда хитростью и обманом удалось расстроить планы не только отчаянных храбров-царевубийц, но и заговорщиков внутри правительства.

После захвата власти большевиками в 1917 году Ленин учредил Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем (ВЧК). Поскольку даже русские с трудом выговаривали это название, ее перекрестили в ЧК. Это была все та же охранка, но под другим названием.

В 1923 году на смену ЧК пришло Объединенное государственное политическое управление, или ОГПУ, которое выросло в устрашающую тайную полицию и шпионскую организацию. В 1934 году ОГПУ вошло в систему Народного Комиссариата внутренних дел, ставшего оружием всемирного шпионажа. Возможно, читатели лучше знакомы с аббревиатурой этой шпионской машины – НКВД. В последующие годы организация меняла название, но никогда не отказывалась от своих целей: до казни в 1953 году ее шефа Лаврентия Берии вывеска НКВД на какое-то время сменялась на МВД – Министерство внутренних дел, потом (в 1954 году) – на КГБ – Комитет государственной безопасности⁴.

Агенты НКВД составили ядро шпионской сети, опоясывающей сегодня весь земной шар. Вместе с агентами Коминтерна они проникли в такие разные сферы, как политика, промышленность, коммерция, сельское хозяйство, транспорт, и в самую важную отрасль – военную.

Многочисленные свидетельства раскаявшихся коммунистов практически не оставляют сомнений в том, что первостепенные интересы и цели советских разведывательных центров распространялись главным образом на военную сферу.

О справедливости этого можно судить по немалому числу разоблачаемых в США иностранных шпионов и по преобладанию среди них агентов, действующих под прикрытием Организации Объединенных Наций.

СССР никогда не признавался в причастности к шпионажу, даже если его офицеров разведки брали с поличным – с краденными секретными данными. Напротив, над каждым разоб-

³ Арнольд Бенедикт (1741–1801) – генерал, участник Войны за независимость; предложил англичанам секреты форта Вест-Пойнт за 20 тысяч фунтов стерлингов.

⁴ Авторы ошибаются. С 1917 года преобразование ВЧК в КГБ происходило следующим образом: Декабрь 1917 г. ВЧК-Февраль 1922 г. ГПУ в составе НКВД-Ноябрь 1923 г. ОГПУ-Июль 1934 г. ГУГБ в составе НКВД-Февраль 1941 г. НКГБ-Июль 1941 г. НКВД-Апрель 1943 г. НКГБ-Март 1946 г. МГБ-Март 1953 г. МВД (в результате слияния МВД и МГБ)-Март 1954 г. КГБ при Совете Министров СССР. (Примеч. ред.)

ланием подтрунивали, поддразнивая американцев: «Вы под каждым кустом находите коммунистического шпиона!»

Неплохая позиция. Неписанный закон шпионажа гласит: никогда не признавайся. Это вовсе не вопрос этики. Чтобы достичь максимальной эффективности, шпионская система должна быть полностью засекреченной. Признание означает провал. Он невозможен: в мире секретных служб репутация строится на тайне.

История советского членства в ООН связана со множеством случаев причастности к шпионажу дипломатического и консульского корпуса, равно как и советских граждан – работников Секретариата.

Устав ООН требует наделять служащих, прибывающих из любой страны и работающих в любой должности, статусом «международных государственных служащих». Они обретают его, ставя подпись под присягой на верность перед началом работы на любом посту в ООН. Присяга обязывает работника служить ООН честно и беспристрастно и запрещает правительству родной страны своим влиянием или действиями отвлекать служащего ООН от исполнения долга.

Штат ООН – от генерального секретаря до незаметного делопроизводителя – должен работать в согласии с правилами и распоряжениями ООН. В строгом смысле здесь нет и намека на отказ от преданности своей стране. Однако сотрудникам ООН не разрешается действовать в интересах собственного государства, скажем передавая документы ООН членам дипломатической миссии своей страны или способствуя осуществлению в учреждениях ООН ее проектов.

Первые девятнадцать лет существования ООН определенно продемонстрировали, что, невзирая на некоторые промахи и упущения, «международные гражданские служащие» вполне способны сделать работу такой гигантской машины, как всемирная организация, независимой. Но этот период продемонстрировал и то, что, подписывая в Сан-Франциско наряду с прочими принципами Устава ООН пункт о независимости, Советский Союз придерживался иного мнения. Хотя служащие ООН из Советского Союза и стран социалистического лагеря подписывали присягу, многие из них тем не менее проводили в жизнь инструкции Москвы. Их посылали в ООН не только для оказания помощи в международных делах, но и для выполнения тайных приказов, полученных из советского представительства в ООН. Некоторые из этих граждан прошли шпионскую подготовку, но замаскировались под секретарей, делопроизводителей, машинисток или чиновников высоких категорий, возглавляющих департаменты ООН.

Возможно, мы недооценили бы положение дел, называя профессиональными шпионами некоторых советских граждан. ФБР подготовило доклад, представленный генеральному прокурору для использования подкомитетом по проверке соблюдения Закона о внутренней безопасности и других законодательных актов о внутренней безопасности.

Относительно ООН в докладе утверждается: «Обращает на себя внимание факт причастности советских служащих Организации Объединенных Наций ко многим вышеупомянутым инцидентам и случаям шпионажа. Эти люди – гости Соединенных Штатов и должны служить делу установления мира во всем мире, но фактически это тщательно отобранные посланцы международного коммунистического подполья, обученные хитрости и обману и намеренные всецело использовать демократические свободы тех стран, которые хотят уничтожить. Было бы слишком оптимистично надеяться на то, что они не решатся заниматься своей деятельностью в ООН».

Глава вторая

ВАЛЕНТИН ГУБИЧЕВ – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ШПИОН ИЗ ООН

Стройная молодая женщина, скромно, но со вкусом одетая (на ней были черная юбка и рыжевато-коричневый свитер, а на шее – нитка жемчуга), задумавшись, сидела в экспрессе Вашингтон-Нью-Йорк Пенсильванской железной дороги, мчавшемся к цели назначения – Пенсильванскому вокзалу. На пустовавшем сиденье лежало ее аккуратно свернутое черное пальто.

Она то смотрела в окно, то потихоньку разглядывала пассажиров полупустого вагона.

Ее звали Джудит Коплон, ей было двадцать семь лет.

В ту пятницу, 4 марта 1949 года, в тот же вагон того же поезда, вышедшего из столицы в час дня, вошло двое мужчин. Джудит Коплон, брюнетка с приятным лицом и жгучими темными глазами, была аналитиком отдела внутренней безопасности министерства юстиции в Вашингтоне. Мисс Коплон не знала, что усевшиеся рядом с ней мужчины – агенты ФБР, хотя они и работали в одной системе. Не знала она и о том, что за ней следят.

Наблюдение за Джудит Коплон велось уже несколько недель. История эта началась в декабре 1948 года, когда на мисс Коплон впервые пало подозрение ее начальства. Их бывший коллега, занимавшийся регистрацией иностранных агентов в отделе внутренней безопасности министерства юстиции, сообщил, что Джудит Коплон искажает аналитические сведения и другие материалы в пользу Советского Союза, благоволит его друзьям и проклинает врагов. Началась проверка лояльности. В первую очередь нужно было уточнить биографию молодой сотрудницы. Проверяющие установили, что она уроженка Нью-Йорка, родилась в Бруклине в семье Сэмюэла и Ребекки Коплон. Четыре года успешно училась в бруклинской школе Мэдисон, затем поступила в колледж Барнарда и показала себя блестящей студенткой, завоевав две стипендии на конкурсных экзаменах, где проверялись не только знания, но и личные качества. С отличием закончила колледж в 1943 году, и бюро по распределению присвоило ей высшую категорию за способности, прилежание, честность, высокое осознание долга, лидерские качества и воспитанность.

Почти сразу после выпуска Джудит Коплон получила работу журналиста-обозревателя в отделе экономических конфликтов нью-йоркского представительства министерства юстиции. Она проработала там до января 1945 года и еще до окончания Второй мировой войны переехала в Вашингтон, став помощником политического аналитика в отделе регистрации иностранных агентов с годовым окладом 4479 долларов.

Свободное время мисс Коплон отдавала занятиям в Американском университете, где и получила степень магистра международных отношений. Теперь в ее жизни начинался новый этап: ей представилась возможность изучать языки, и вскоре она уже говорила по-французски, по-немецки и по-русски.

Ее работа в министерстве юстиции оценивалась высоко. В феврале 1946 года заведующему ее бюро Джессу М. Макнайту привелось докладывать о ее деловых качествах. По его словам, она «проявила себя как способный, трудолюбивый и умный исследователь... Прекрасно владеет французским языком, хорошо знает немецкий и русский...».

Несмотря на отличную биографию, только два дня проверки дали достаточно информации для сомнений в лояльности мисс Коплон, что заставило министерство юстиции прибегнуть к помощи двух специальных агентов ФБР.

Хотя пока еще ничего не случилось, министерство немедленно приняло меры, надежно перекрывшие Джудит Коплон доступ к секретной оборонной информации из правительственных досье. Впрочем, повседневные ее обязанности оставались прежними. Она продолжала

получать данные для обработки, только в них вносились изменения, лишавшие их всякой ценности, если бы они попали в чужие руки.

Агенты, которым была поручена слежка, были хорошо знакомы с образом жизни подозреваемой и знали, что она каждую неделю ездит в Нью-Йорк навещать больных родителей.

Несколько недель Джудит Коплон вела себя вроде бы как обычно, но в середине января 1949 года наблюдатели заметили перемену. День 14 января начался для мисс Коплон точно так же, как любой другой. Она пошла на службу в столичное здание министерства юстиции, отработала восемь часов, потом поехала на вокзал Юнион и села в пенсильванский поезд до Нью-Йорка.

Но на сей раз Джудит Коплон направилась с Пенсильванского вокзала не на квартиру родителей в бруклинском квартале Флэтбуш, а на расположенную на 34-й улице станцию метро «Восьмая авеню» и села в электропоезд, идущий в северную часть города.

На Пенсильванском вокзале сопровождавших ее из Вашингтона агентов Ричарда Т. Градски и Ричарда Э. Бреннана встретили другие сотрудники ФБР, которым тоже предстояло следить за мисс Коплон. Все они сели в тот же электропоезд, битком набитый в час пик. Мисс Коплон вышла на станции «Форт-Трайон-парк» на углу 190-й улицы и Оверлук-Террас в районе Манхэттена Вашингтон-Хайтс. Агенты последовали за ней на улицу.

Наручные часы Градски показывали девятнадцать часов десять минут. Джудит Коплон принялась бесцельно петлять по улице, поглядывая по сторонам, словно ожидая того, с кем договорилась встретиться.

Через несколько минут она направилась на восток, к находившемуся в двух кварталах Бродвею, потом повернула за угол на Дайкмен-стрит и подошла к дому номер 143, где находился итальянский ресторан «Делюкс».

Осторожно заглянув в окно, агенты увидели, как Джудит подошла к столику и села рядом с мужчиной с мрачным, но симпатичным лицом, с залысинами. С виду ему было за тридцать. Он казался ненамного крупнее рядом с худенькой и маленькой мисс Коплон.

Агенты практически не имели возможности вести наблюдение, не привлекая к себе внимания. В лучшем случае можно было, смешиваясь с пешеходами, по очереди проходить мимо ресторана, бросая в окно мимолетные взгляды. Вскоре они увидели, что мисс Коплон с мужчиной делают официанту заказ.

Специальному агенту Т. Скотту Миллеру-младшему поручили войти в ресторан и сесть неподалеку от пары, чтобы наблюдать за ней поближе. Официант принес мужчине еду, а мисс Коплон лишь чашечку кофе. Отхлебнув кофе, она бросила монетку в музыкальный автомат, стоявший близ их столика.

Из-за громкой музыки Миллер не слышал разговора и даже в моменты затишья не улавливал ничего – беседа велась шепотом, хотя и была оживленной.

Наконец Джудит Коплон и ее собеседник встали из-за стола и вышли из ресторана. Там их перехватили другие агенты: Градски, Бреннан и Дэниел Гард, – проводившие мисс Коплон и мужчину обратно ко входу в метро, где те и остановились.

Мисс Коплон сделала резкий жест, взмахнув рукой, в которой держала свернутую газету. На миг показалось, будто она хочет ударить мужчину, так как вид у нее был рассерженный. Диалог вскоре закончился, и пара спустилась в метро. Агенты направились за ними и сели в тот же поезд. На станции «116-я улица» мужчина быстро встал и вышел из вагона. Градски и Бреннан последовали за ним, а Гард остался с мисс Коплон, которая направилась к родителям.

Ее спутник тем временем подозвал такси и поехал на восток по 116-й улице. Градски с Бреннаном сели в другое такси. Поездка закончилась на углу Бродвея и 116-й улицы, преследуемый пошел к станции метро линии Бродвей – Седьмая авеню.

Агенты уже собрались последовать за ним, но в этот миг он оглянулся и посмотрел в их сторону. Между ними не было и десяти метров. Опасаясь, как бы мужчина не заподозрил за собой слежки, Градски и Бреннан решили не рисковать и прекратили преследование.

На следующее утро произошла одна из тех странных случайностей, которые нередко решают судьбу того или иного расследования ФБР. Градски и Бреннан стояли у старого советского представительства в ООН, находившегося в доме номер 680 на Парк-авеню. И – о чудо! – вдруг они увидели мужчину, встречавшегося вчера вечером с мисс Коплон!

ФБР и по сей день утверждает, что Градски и Бреннан не располагали никакой информацией, их привела к представительству интуиция. Градски потом объяснял, что, когда увидел мужчину за столиком в ресторане с мисс Коплон, подумал, что он похож на русского. А где еще в Нью-Йорке искать русского, как не в советском представительстве в ООН?

Оперативники двинулись за подозреваемым. Он привел их к фешенебельному шестиэтажному жилому дому под номером 64 на Западной 108-й улице между Манхэттен-авеню и Амстердам-авеню. В вестибюле агенты прочитали имена жильцов на почтовых ящиках, которые ни о чем не говорили. Потом они позвонили управляющему, жившему на первом этаже.

Когда они описали преследуемого, управляющий предположил, что это, должно быть, Валентин Губичев, занимающий с женой четырехкомнатную квартиру на пятом этаже.

«Он работает в Организации Объединенных Наций», – добавил управляющий так небрежно, словно речь шла о простом экспедиторе. Полученное подтверждение, что Губичев русский и работает в ООН, мгновенно повысило к нему интерес агентов ФБР: связь Джудит Коплон с Губичевым приобретала зловещий оттенок.

Градски и Бреннан немедленно уведомили обо всем, что узнали, свое начальство. За домом, где жил Губичев, было приказано установить круглосуточное наблюдение из автомобилей. Когда на следующее утро Губичев отправился в ООН, оперативники последовали за ним. Он сел в автобус, за которым в машинах поехало несколько сотрудников ФБР. Один из агентов, Джон Ф. Мэлли, занял место за подозреваемым в автобусе. На 42-й улице Губичев пересел в другой автобус, чтобы через Ман-хэттен доехать до строившегося здания ООН. Мэлли по-прежнему сопровождал его.

В течение дня ФБР вело осторожные расспросы в ООН, штаб-квартира которой в то время еще находилась в городке Лейк-Саксес на острове Лонг-Айленд, точно устанавливая функции Губичева в организации. Он был гражданским инженером и выполнял обязанности третьего секретаря советской делегации. Приехав в июле 1946 года из Советского Союза в Соединенные Штаты в составе советской делегации, он впоследствии стал сотрудником Секретариата ООН с годовым окладом в 6600 долларов, свободных от уплаты налога. Ему был дан статус международного гражданского служащего. Сделано это было, как выяснило ФБР, с целью участия Губичева, талантливого инженера, в проектировании нового небоскреба для штаб-квартиры ООН на Первой авеню, строительство которого уже близилось к завершению.

26 сентября 1946 года Губичев подписал присягу, что требовалось от всех членов Секретариата. Она гласит: «Торжественно клянусь с полной преданностью, честностью и сознательностью относиться ко всем обязанностям, доверенным мне как члену международной службы ООН. Обещаю выполнять эти обязанности и соизмерять свое поведение с интересами долга. Обязуюсь не испрашивать и не принимать указаний относительно исполнения моих обязанностей ни от какого правительства или прочих властей, непричастных к данной организации».

Такую клятву подписывало несметное множество советских граждан, уличенных в шпионской деятельности в последующие годы; через пятнадцать лет Хрущев заявит, что не признает этой клятвы.

Каждый шаг Губичева теперь находился под неусыпным наблюдением. Каждый раз, когда он выбирался из леса конструкций строящегося здания ООН, агенты ФБР были готовы идти за

ним по пятам. Отныне он не ходил и не ездил в общественном транспорте без сопровождения; даже когда он садился в такси или ехал в автомобиле, за ним тенью следовали агенты ФБР.

ФБР узнало, что у Губичева есть и ребенок – тринадцатилетняя дочь. Она жила в Нью-Йорке с родителями до прошлого лета, до закрытия русского консульства, приютившего семью. Консульство заставили закрыть после знаменитого дела госпожи Косенкиной. Оксана Косенкина была учительницей в школе при консульстве в доме номер 7 на Восточной 61-й улице. В числе учеников школы была и дочь Губичева. Когда муж Косенкиной был убит своими же, она укрылась у графини Александры Толстой в округе Рокленд к северу от Нью-Йорка. Русские агенты похитили госпожу Косенкину, доставили в советское консульство и держали там под арестом перед отправкой в Россию. Она сбежала, выпрыгнув в окно и сильно покалечившись, провела много месяцев в больнице Рузвельта, но добилась цели – получила убежище в США.

ФБР стало известно, что в августе 1948 года, когда произошел инцидент с Косенкиной, Губичев вместе с семьей ненадолго уезжал в Россию. Через несколько недель супруги вернулись, но без дочери. «Мы отдали ее в Москве в школу», – объяснил Губичев соседям.

Копаясь в его биографии, ФБР выяснило, что Губичев родился в городе Орле 24 июня 1916 года, учился в Московском инженерно-строительном институте, поступил на работу в Министерство строительства и продвинулся по службе, став заместителем директора Уральского строительного треста в Челябинске. Затем его перевели в Министерство иностранных дел, а в июле 1946 года он приехал в США для работы в ООН.

Когда Советскому Союзу выделили квоту в штате Секретариата, в качестве кандидата был выбран Губичев. Он покинул советское представительство в ООН и занял новый пост, вернувшись к своей первой любви – инженерно-строительному делу.

Генеральный секретарь ООН Трюгве Ли называл Губичева одним из выдающихся проектировщиков и конструкторов нового комплекса ООН. «Он хороший человек. Отлично трудится под руководством координатора строительства Джеймса Доусона», – сообщил Ли ФБР.

Пока Губичева держали под строгим наблюдением, столь же старательно продолжалась слежка за Джудит Коплон. Агенты двигались за ней по пятам. Вечером того дня, когда она встречалась с Губичевым, Коплон вышла из дома родителей и отправилась в Вашингтон. Оперативники ехали тем же поездом, не спуская с нее глаз, затем отправились за такси, доставившим ее в Макклин-Гарденс, солидный жилой дом, где она снимала двухкомнатную квартиру.

На следующее утро она поехала на работу. Агенты снова следовали за ней.

Так продолжалось с середины января до середины февраля. Ничего необычного за этот период не случилось. Но 18 февраля мисс Коплон снова поехала в Нью-Йорк и опять встретилась с Губичевым в том же районе, где происходила их первая встреча. Только на сей раз все было совсем иначе. Все разыгрывалось по правилам шпионского романа.

Губичев, за которым следил агент Мэлли вместе с другими оперативниками, сел у своего дома в автобус и был в Вашингтон-Хайтс в девятнадцать часов пять минут. Там он немного помешкал, оглядывая прохожих, а через минуту сел в бродвейский автобус, направлявшийся в нижнюю часть города. Ехавшие за ним в машине Мэлли и другие агенты увидели, что он вышел на 116-й улице, пересек Бродвей и тут сел в автобус, идущий в северном направлении, который доставил его обратно на 192-ю улицу, граничащую с парком Форт-Трайон.

Тем временем сопровождавшие Джудит Коплон агенты доехали с ней на метро до станции «191-я улица», где она вышла, поднялась наверх и некоторое время бродила, словно ища кого-то.

Губичев перешел Бродвей и остановился на западной стороне. Находившаяся на восточной стороне мисс Коплон, кажется, разглядела его сквозь поток проезжающих машин и автобусов и стала переходить дорогу. Добравшись до тротуара, она пошла вверх по улице, миновав Губичева, как абсолютно незнакомого человека. Агенты заметили, что, проходя мимо, она переместила под мышку левой руки свою плоскую сумочку. Словно получив сигнал, Губичев

через секунду двинулся за мисс Коплон, какое-то время держался на несколько шагов позади, а потом наконец заспешил. Поравнявшись с сотрудницей правительственной организации, он вытянул вперед правую руку. Они прошли пять-шесть шагов. Потом Губичев снова замедлил шаг, а мисс Коплон по-прежнему продолжала идти вперед.

Только один агент ФБР был достаточно близко, чтобы в подробностях наблюдать происходящее. Это был Роджер Б. Робинсон, бывшая звезда футбольного матча «Розовой чаши»⁵. Он разглядел, как мисс Коплон, достав сумку из-под мышки, открыла ее. Потом ее загородили прохожие, и агент не заметил, взял ли Губичев что-то, когда шел рядом с ней.

Агент Миллер, ехавший с мисс Коплон в метро, знал, что у нее в сумочке лежат какие-то бумаги желтоватого цвета. Он стоял в вагоне у нее за спиной и видел их, когда она открывала сумочку.

Такие бумаги с секретными, но ложными сведениями о торговой корпорации «Амторг» – русском торговом представительстве в США, а также с данными об использовании геофонов для измерения давления при испытаниях американских атомных бомб были приготовлены для приманки, попали на стол мисс Коплон в министерстве юстиции за день до ее встречи с Губичевым и по неким несущественным причинам задержались на ее столе гораздо дольше, чем следовало. Предполагалось, что в отсутствие свидетелей она перепечатала информацию на машинке на такой же бумаге.

После мимолетного столкновения с мисс Коплон Губичев повернул назад, дошел до угла 192-й улицы и сел в бродвейский автобус, идущий к нижней части города. Выйдя на 108-й улице, он зашел в супермаркет. Агенты наблюдали, как русский складывает в тележку хлеб, кекс, длинный батон болонской колбасы и другие мясные продукты. Из супермаркета он отправился домой.

А девушка дошла до угла 193-й улицы, на миг остановилась, огляделась, а затем пошла обратно, спустилась на станцию метро и поехала к родителям.

Встреча, во время которой Губичев и мисс Коплон тщательно старались не выдавать своего знакомства, напоминала тактику, применявшуюся сетью канадских атомных шпионов: в случае опоздания коллеги-конспиратора не задерживаться на условленном месте, а вернуться туда позже. Следившие за Губичевым и мисс Коплон агенты были убеждены, что русский проехался в нижнюю часть города из-за опоздания служащей министерства юстиции. Однако их озадачило изменение оперативной процедуры: раньше пара открыто встречалась в ресторане, будто пришедшие на свидание влюбленные, а теперь предпочла прихотливую тактику. В чем дело?

ФБР признало возможным, что Губичев и мисс Коплон почувствовали слежку. Этого нельзя было не учитывать: агенты уже много раз расспрашивали о мисс Коплон ее друзей и до подозреваемой вполне могли дойти слухи об этом.

«Тени» мисс Коплон из ФБР установили, что, приезжая в Нью-Йорк, она не всегда видится с Губичевым. В пяти из шести случаев агенты сталкивались с другими ситуациями.

Вечером 19 января агент ФБР Ричард Э. Бреннан проследовал за Джудит Коплон к отелю «Пикадилли» за Таймс-сквер. После долгого нетерпеливого ожидания он увидел ее выходящей из лифта с высоким симпатичным темноволосым мужчиной, безусловно не Губичевым.

От отеля Бреннан прошел за парой до ресторана «Альпс» на углу авеню Америки и 58-й улицы, а потом к театру «Калони», где они посмотрели спектакль «Целуй меня, Кэт».

В последующие три дня Бреннан и другие агенты ходили за мисс Коплон по Манхэттену, но она ни разу не встретила с Губичевым. Большую часть проведенного в городе времени она бродила по магазинам. За все это время, у нее было четыре дня отпуска в связи с инаугурацией в Вашингтоне президента Трумэна, она сделала лишь одну покупку – купила шарф.

---

⁵ Матчи «Розовой чаши» между двумя лучшими студенческими футбольными командами проводятся раз в год с 1902 года.

19 февраля мисс Коплон вышла вечером от родителей и отправилась навестить друзей в жилом квартале Фреш-Медоус в Куинсе (эти ее друзья позже были допрошены ФБР).

Пока агенты продолжали вести наблюдение за Губичевым и мисс Коплон, другие сотрудники ФБР пытались определить, какие сделки заключали подозреваемые, какие секреты девушка из министерства юстиции передала русскому, если она на самом деле передала их.

Все начинало указывать на такую возможность.

Во-первых, следователям стало известно, что мисс Коплон без каких-либо очевидных причин запрашивала данные ФБР о посольствах и консульствах и о персонале посольств. Потом наконец попросила у своего начальника в министерстве юстиции Уильяма Фоли секретное досье под грифом «Внутренняя безопасность – Я». Буква «Я» обозначала Россию. В досье содержалась информация, связанная с советскими агентами и национальной безопасностью.

Во-вторых, встречи между Губичевым и мисс Коплон во многом соответствовали фантастическому признанию, которое летом 1948 года сделали Элизабет Бентли и Уитакер Чемберс, курьеры коммунистической шпионской сети. Мисс Бентли подробно рассказала комитету палаты представителей по антиамериканской деятельности о тайных уличных встречах с правительственными служащими, о том, как она передавала шпионам важные государственные секреты. ФБР пришло к убеждению, что мисс Коплон тоже участвует в шпионаже, и решило, что конспираторов пора накрыть.

Поздно вечером 3 марта в нью-йоркской конторе ФБР узнали, что Джудит Коплон вновь собирается посетить город. Это стало известно из телефонного разговора матери с дочерью – ФБР поставило их телефоны на прослушивание.

В Вашингтон послали по телетайпу предупреждение, которое, в частности, гласило: «В связи с названным Джудит временем приезда домой [4 марта] весьма вероятно ее встреча с Губичевым в семь вечера. Наблюдатели проводят ее до Нью-Йорка, как и раньше. В Нью-Йорке обеспечено то же наблюдение».

Начальника мисс Коплон в министерстве юстиции Уильяма Фоли проинструктировали, чтобы он сообщил ФБР о ее отъезде, дав возможность тут же послать за ней хвост. К концу дня 3 марта Фоли доложил ФБР, что завтра подозреваемая собирается в Нью-Йорк.

В пятницу, 4 марта, в тринадцать часов мисс Коплон отправилась в поезде Пенсильванской железной дороги в Нью-Йорк с вашингтонского вокзала Юнион. Сидя в одиночестве у окна, Джудит понятия не имела, что два кресла с другой стороны прохода заняты мужчинами, ни на миг не спускающими с нее глаз. Это были те же два агента, которые следовали за ней много раз прежде, – Градски и Бреннан. Они были уверены, что как мисс Коплон не замечала их раньше, так не заметит и сейчас.

В Нью-Йорке были проделаны кропотливые и трудоемкие приготовления к ее приезду и ожидаемой встрече с Губичевым, в которой почти не оставалось сомнений. Сотрудники ФБР подозревали, что она захватила с собой выдержки из докладов бюро, имеющих отношение к советским делам, описания трех правительственных служащих и выдержки из секретного послания ФБР, доступ к которым ей предоставил в пятницу утром ее начальник Фоли. ФБР было практически уверено, что она собирается передать эти данные Губичеву.

Приготовления были сложнее, чем прежде, ибо на сей раз ФБР собиралось произвести арест. В Нью-Йорке задействовали двадцать агентов и семь радиофицированных машин. Пяти агентам поручили следить за Губичевым: трем – в ООН и двум – в его доме на 108-й улице.

Автомобиль с двумя агентами прикрывал ресторан «Делюкс» на Дайкмен-стрит, где состоялась первая известная ФБР встреча мисс Коплон с Губичевым. Двое других агентов находились на станции бродвейского метро «191-я улица». Еще двух поставили в канцелярском магазине на углу Бродвея и 193-й улицы для наблюдения за углом, где подозреваемые устраивали свою мимолетную тайную встречу. Двое стояли на другой стороне улицы.

В нижней части города две машины с агентом в каждой получили приказ наблюдать за Пенсильванским вокзалом снаружи, а пятеро других, в том числе высокая гибкая брюнетка по имени Сафо Манос, старший клерк городского нью-йоркского офиса ФБР, прогуливались внутри и вокруг вокзала.

Когда экспресс, доставлявший в Нью-Йорк Джудит Коплон, проскочив туннель под рекой Гудзон, замедлял ход, приближаясь к вокзалу, мисс Коплон встала со своего места, расправила складки на юбке, одернула свитер и потянулась за пальто, лежавшем на сиденье. Надев его, она вышла в тамбур.

Агенты Градски и Бреннан остались на своих местах, но их взгляды были прикованы к подозреваемой.

Поезд остановился, двери открылись. Джудит Коплон сошла на платформу и направилась к лестнице. Позади шагали агенты. А в главном зале вокзала гостью встретили другие внимательные, но неприметные люди.

Мисс Манос вместе с Робертом Грэнвиллом и Эдвардом Шейдтом быстро разглядели мисс Коплон и, держась друг от друга на некотором расстоянии, пристроились сзади, пробираясь в усиливавшейся перед часом пик толкучке к станции «34-я улица» в дальнем, западном конце гигантского терминала.

То же трио незаметно для Джудит Коплон прошло за ней через турникет на платформу и село в поезд, направляющийся к Вашингтон-Хайтс. Агенты Градски и Бреннан, получив знак от Грэнвилла, что его команда заступила на смену, удалились: опасно было сидеть у подозреваемой на хвосте, не рискуя себя обнаружить.

Мисс Коплон держала в кольце отличная бригада оперативников. Она ни на миг не выпадала из поля зрения, как минимум, одного, а то и всех трех наблюдателей, хотя толпа увеличивалась с каждой следующей остановкой.

Не прошло и получаса, как поездка закончилась. В пять часов вечера с небольшим мисс Коплон протиснулась к двери вагона и вышла на платформу на остановке «190-я улица». Агент Грэнвилл держался прямо за ней, а мисс Манос и агент Шейдт вышли в дверь в другом конце вагона и пошли навстречу мисс Коплон, которая, кажется, несколько растерялась.

И тут произошел один из тех случаев, которые, будучи описанными в романе, всегда кажутся слишком невероятными.

Мисс Коплон, споткнувшись, буквально налетела на мисс Манос. «Извините, – пробормотала она, – это я виновата. – А потом, чуть оправившись, добавила: – Еще раз простите, я, кажется, заблудилась. Не подскажете ли, как попасть на Бродвей?»

Сердце мисс Манос выскакивало из груди, но она сохраняла полную невозмутимость. Она улыбнулась и спокойным тоном ответила: «Все в порядке. Прошу прощения, что не можем вам помочь. – Она бросила взгляд на Шейдта, а потом снова на мисс Коплон. – Мы сами вроде бы заблудились... Извините...»

И мисс Манос с Шейдтом пошли в другую сторону, даже не взглянув на агента Грэнвилла, который, конечно, во время этого короткого разговора был позади и которому теперь приходилось действовать в одиночку.

Грэнвилл вышел за подозреваемой на улицу, следя, как она празднично – или стараясь создать подобное впечатление – бредет от Оверлук-Террас к востоку, на 190-ю улицу, к Форт-Вашингтон-авеню. После бесконечно долгих минут прогулки Грэнвилл почувствовал, что все это могло делаться для отвода глаз. Он быстро шмыгнул в телефонную будку, не теряя из виду объект, набрал особый номер ФБР, сообщил, где находится, и попросил подкрепления. Потом вышел и вновь сел на хвост подозреваемой.

Через несколько минут он заметил долгожданную помощь в лице агента Джона Р. Мерфи, который пристроился за ним. На пересечении 191-й улицы и Бродвея Грэнвилл повернул в

обратную сторону и обошел вокруг квартала. Еще через несколько минут он снова шел за объектом, а Мерфи отстал.

В семнадцать часов пятьдесят пять минут на сцене появился Валентин Губичев. Два агента шли за ним от строительной площадки комплекса ООН до Вашингтон-Хайтс, но теперь, заметив Грэнвилла и Мерфи, отошли в сторону.

Повернув с 191-й улицы на Бродвей, Губичев пошел навстречу Джудит Коплон – и прошел мимо. Оба не подали вида, что знают друг друга. Агенты ожидали чего-то подобного и снова разошлись. Каждый последовал за своим объектом.

Больше часа Губичев и Джудит Коплон расхаживали по улицам Вашингтон-Хайтс, двигаясь то навстречу друг другу, то в одном направлении, но ни разу не посмотрели друг другу в лицо, не обменялись ни взглядом, ни знаком.

Было ясно, что девушка из министерства юстиции и русский инженер придерживаются изощренных правил шпионской игры.

Наконец, через час с лишним внешне беспечной прогулки, мисс Коплон свернула назад к станции метро на 190-й улице и села в электропоезд, следующий в южном направлении, который доставил ее на станцию «42-я улица» на Восьмой авеню. В девятнадцать часов тридцать минут она поднялась по лестнице на оживленную улицу в квартале к западу от Таймс-сквер. Агент Мерфи не спускал с нее глаз в поезде и продолжал вести слежку на улице, но он не знал, где находится Губичев, равно как и агент Грэнвилл.

Мисс Коплон шла на восток по 42-й улице мимо ярких мигающих огней кинотеатров, которые заливали улицу ослепительным светом, мимо тележек с хот-догами, киосков с пищей, армейских и военно-морских магазинов, стаяк подростков в черных куртках, превративших улицу в постоянное место сборищ.

Мерфи шел за Джудит сквозь толпу. Вскоре впереди засияли огни Таймс-сквер. Джудит свернула за угол на Седьмую авеню, там, где она примыкает к Бродвею, пульсирующему центру города. Здесь она вдруг замедлила шаг и пошла совсем тихо. Близилось время закрытия многочисленных драматических театров, расположенных в этом районе, и толпа на Таймс-сквер стала довольно плотной. В такой толчее ее было легко потерять, так что Мерфи пришлось подойти поближе к ней.

Перед театром «Парамаунт» на углу 43-й улицы Джудит вдруг повернула назад. Мерфи юркнул в дверь универмага, обождал, пока она пройдет мимо, и снова двинулся следом. Они свернули за угол на 42-ю улицу. Когда мисс Коплон шла к Восьмой авеню, Мерфи внезапно увидел Губичева. Он шел шагах в пятидесяти позади мисс Коплон. Мерфи был приблизительно в семидесяти пяти шагах от мисс Коплон, и Губичев оказался всего в двадцати пяти шагах от него – слишком близко для безопасного наблюдения.

Свернув, Мерфи принялся в отчаянии высматривать Грэнвилла, который должен был идти за Губичевым. Но его нигде не было. Мерфи одному предстояло следить за подозреваемыми, которые шли по Восьмой авеню, направляясь к Девятой.

Примерно посередине квартала Губичев неожиданно оглянулся через левое плечо и задержал взгляд. Через несколько шагов он опять быстро взглянул сначала через левое плечо, затем через правое и ускорил шаг.

Поравнявшись с мисс Коплон, Губичев перешел на бег. В тот же миг побежала и мисс Коплон. Мерфи поспешил за ними. Губичев с девушкой перебежали Девятую авеню и вскочили в автобус.

Мерфи не погнался за автобусом, а пулей влетел в бар-гриль и позвонил в ФБР, доложив о происшедшем. Машины ФБР немедленно получили по радио приказание следовать за автобусом.

Автомобили без опознавательных знаков с разных сторон мчались через весь город, набирая скорость, к автобусу, шедшему в южном направлении. В верхней части города одна машина

ФБР летела по Вестсайдскому скоростному шоссе, извивающемуся вдоль реки Гудзон, но, приблизившись к нужному месту, попала в беду – лопнула покрышка. Четыре агента вышли из строя.

Однако остальные преследующие машины благополучно достигли цели. Через несколько минут в свете их фар показался автобус. Джудит Коплон и Валентин Губичев находились в нем, но сидели по разные стороны от прохода, по-прежнему делая вид, что незнакомы друг с другом.

Когда автобус остановился на 14-й улице у северной границы Гринвич-Виллидж, они вышли. В двадцать один час пять минут район был почти пуст. Губичев и мисс Коплон на темной тихой улице впервые почувствовали себя в безопасности. Они несколько минут постояли, переговариваясь, потом двинулись на восток по 14-й улице к станции метро линии Бруклин – Манхэттен.

Подошел поезд, направлявшийся в бруклинский район Канэрс, и подозреваемые сели в него. Тем же поездом поехал и Грэнвилл, который, потеряв мисс Коплон с Губичевым, был подобран одной из машин ФБР и теперь вновь стал главным преследователем.

В вагоне пара опять разъединилась, Губичев и Коплон уселись далеко друг от друга. На станции «Юнион-сквер» они внезапно вскочили и выбежали из вагона, отлично рассчитав время, – в тот момент, когда двери уже закрывались. Не успевший вовремя выйти Грэнвилл был вынужден ехать до следующей остановки, откуда позвонил на командный пост ФБР.

Часы уже показывали двадцать один час двадцать две минуты. На протяжении следующих двенадцати минут Губичев и мисс Коплон не были в поле зрения агентов. В двадцать один час тридцать четыре минуты они были замечены на восточной стороне Третьей авеню, ближе к Восточной 15-й улице. Грэнвилл присоединился к другим агентам, снова державшим пару под наблюдением. Он вновь шел за ними на безопасном расстоянии. Другие агенты прятались в подъездах.

Грэнвилл позволил объектам спокойно пересечь 15-ю улицу. Пустынная авеню мгновенно оживилась потоком хлынувших в район машин. Тут к Грэнвиллу подошел агент Мерфи, чтобы передать инструкции.

Изложил он их очень коротко: «Будем брать!»

На полпути между 15-й и 16-й улицами, прилегающими к авеню, Грэнвилл догнал Губичева и мисс Коплон, легонько тронул их за плечи и сурово объявил: «Я специальный агент ФБР. Вы оба арестованы».

Сумочка мисс Коплон была изъята и осмотрена на месте. Агенты обнаружили в ней те самые документы, которые подозреваемая, по сообщению, унесла с собой, покидая в тот день свой офис в министерстве юстиции. Одной из бумаг был состоявший из двух частей меморандум, содержащий сведения о попытках коммунистов завладеть геофонами, созданными для регистрации разрушительной силы атомных бомб; другой – фиктивные данные о вербовке ФБР работников «Амторга» в качестве осведомителей о красном подполье в США. Для правдоподобия на меморандуме стояла подпись директора ФБР Эдгара Гувера.

Губичева быстро обшарили, проверяя, нет ли при нем оружия. Он был невооружен. Грэнвилл обыскал его карманы и нашел белый конверт с банкнотами на сумму 125 долларов. В другом его кармане лежало 4 доллара 25 центов.

Губичева и мисс Коплон, несмотря на их протесты, посадили в машину и повезли в федеральное отделение ФБР на Фоули-сквер в нижнем Манхэттене. Следующие семь часов их допрашивали. Оба подозреваемых категорически отрицали свою причастность к шпионажу.

Мисс Коплон утверждала, будто засвидетельствованные ФБР встречи – 14 января, 18 февраля и последняя, закончившаяся арестом, – были просто невинными свиданиями «девушки и мужчины, между которыми завязался роман». Она заявила допрашивавшим, что познакомилась с Губичевым в сентябре 1948 года, влюбилась в него и надеялась выйти за него

замуж. Вечером 14 января она узнала, что Губичев не может стать ее мужем, потому что женат. Взмахнув газетой, объясняла мисс Коплон, она в приступе гнева собиралась ударить его.

В четвертом часу утра ФБР завершило допрос и попросило Секретариат ООН прислать в федеральное отделение юриста, чтобы установить, считался ли Губичев в момент ареста находящимся на службе и, стало быть, под защитой иммунитета. Задержанным было предложено нанять адвокатов.

Пришлось разбудить федерального судью Саймона Рифкинда, попросив прибыть в федеральный суд для подготовки обвинительного заключения.

В четыре утра задержанные предстали перед Рифкиндо. Он зачитал Губичеву и мисс Коплон их конституционные права и объявил перерыв до одиннадцати утра, чтобы дать им время найти адвокатов. К одиннадцати, когда было подготовлено обвинительное заключение, мисс Коплон уже нашла адвоката, а Губичев еще нет. Судья Рифкинд определил сумму залога для мисс Коплон в 20 тысяч долларов, а для Губичева – в 100 тысяч.

Немедленно встал вопрос о статусе Губичева. Обладает ли он дипломатическим иммунитетом?

Ответ дал присутствовавший при предъявлении обвинения Оскар Шехтер, штатный юрист ООН.

Шехтер заявил, что Губичев в момент ареста не находился при исполнении служебных обязанностей и поэтому не обладает неприкосновенностью при обвинении в нарушении законов Соединенных Штатов. Поскольку оба обвиняемых не могли внести залога, их поместили в камеры предварительного заключения федерального отделения.

Арест Губичева вызвал раздраженную реакцию Советов. В Вашингтоне русский посол Александр Панюшкин позвонил заместителю государственного секретаря Джеймсу Уэббу и потребовал немедленного освобождения Губичева. Уэбб сообщил Панюшкину, что государственный департамент обсуждал дело с министерством юстиции и Секретариатом ООН.

На следующий день, в субботу 5 марта, генеральный секретарь ООН Ли освободил Губичева от работы в Секретариате, подтвердив, что в данных обстоятельствах русский инженер не может пользоваться дипломатическим иммунитетом. Ли сказал, что действует согласно правилам, четко сформулированным в соглашениях, принятых в штаб-квартире ООН.

Через неделю, отвечая Москве, государственный секретарь Дин Ачесон окончательно решил судьбу Губичева, заявив, что Соединенные Штаты отвергают требования о признании дипломатического иммунитета обвиняемого советского инженера.

Джудит Коплон получила свободу через день после ареста, внеся залог. Губичеву повезло меньше. Никто не вызвался заплатить за него 100 тысяч долларов, и он провел в федеральной тюрьме предварительного заключения пятьдесят три дня. Наконец официальный советский представитель внес деньги, и Губичева освободили.

Тем временем федеральное Большое жюри предъявило Губичеву и мисс Коплон обвинение в шпионаже. Мисс Коплон обвинили в передаче, а Губичева в получении документов министерства юстиции. Другое федеральное Большое жюри – в Вашингтоне – назвало виновной только мисс Коплон.

Сначала прошел суд в Вашингтоне. Он начался 25 апреля 1949 года и длился десять недель. Мисс Коплон постоянно клялась, что встречалась с Губичевым только из-за любви и носила с собой ценные правительственные документы по уважительным причинам (взяла их домой для работы; они понадобились ей для сдачи квалификационных экзаменов для гражданских служащих, чтобы продвинуться по службе; хотела использовать их как источник для задуманного романа под названием «Государственная служащая»).

Она рыдала, вопила, кричала, что ее подставили, объявляя дело «грязным, смердящим». Она обвиняла министерство юстиции, которое якобы состряпало обвинение во избежание критики со стороны конгресса в «неспособности раздавить коммунистов».

Суд присяжных состоял из восьми мужчин и четырех женщин. Шесть членов суда были черными. Главный обвинитель Джон М. Келли-младший заявил, что Джуди «продалась русским – умом, душой и телом». Коммунисты, по его утверждению, видели ее насквозь: под «невинной внешностью и хорошеньким личиком» они угадали «жестокое, железное сердце».

«Они нашли девушку, которая ненавидела многое и многих, а сильнее всего – правительство Соединенных Штатов», – заключил Келли.

Обвинение настойчиво подчеркивало, что Джуди, охваченная, по ее словам, страстью к Губичеву, в то же время с удовольствием проводила ночи в отелях Балтимора и Филадельфии с юристом министерства юстиции, порой ночуя и в его квартире. Джуди это признала, но отрицала интимную связь между ними.

9 июня присяжные вынесли вердикт: виновна.

Перед оглашением приговора Джудит Коплон, стоя перед судьей Альбертом Л. Ривсом, сказала: «Я понимаю, что могу молить о снисхождении. Но я не сделаю этого. Для меня это было бы признанием вины. А я невиновна! Невиновна!»

Судья не согласился с ней. Обвиняемая, заявил он, предстала перед справедливым судом. Свидетельства неопровержимы. Он пришел к мнению, что поведение мисс Коплон на встречах с Губичевым 18 февраля и 4 марта «не могло не вызвать серьезнейших подозрений». Ее сумочка, напоминал судья, была «набита сверхсекретными документами», большинство из которых касались агентов, подозреваемых в шпионаже.

«Она виновна в серьезном преступлении, – объявил суд. – Она обманула оказанное ей высокое доверие, занимая столь ответственное положение. Она пыталась предать свою страну, хотя приносила ей присягу на верность».

Ей грозило от сорока месяцев до десяти лет заключения.

Затем Джудит Коплон – вместе с Губичевым – предстала перед другим судом – в Нью-Йорке. Начавшиеся 24 января 1950 года слушания весьма оживлялись выходками Арчибальда Палмера, многоречивого пылкого адвоката Джудит Коплон, дважды оштрафованного на 100 долларов в Вашингтоне судьей Ривсом за неуважение к суду. На нью-йоркском суде Палмер воздерживался от серьезных пререканий с федеральным судьей Сильвестром Райаном, но грубил клиентке, которая не слишком-то ладила с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.